

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНО- КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ФАКТОРЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ БЕЛОРУСОВ

1. Становление современной национальной самоидентификации отечественного этноса – “белорусы” и “Белая Русь” (“Беларусь”) – прошло ряд этапов, но особую роль в этом процессе сыграл период конца 16–17 веков, когда в условиях существенного обострения общественно-политической и религиозно-конфессиональной ситуации заметно активизировался поиск новых форм национально-культурной самоидентификации. В этот период локализация “Белой Руси”, весьма противоречивая во всем прежнем комплексе источниковых материалов, приобретает весьма устойчивые географические очертания.

2. В памятниках полемической литературы – эпистолярном наследии К.К.Острожского, трактатах А.Мужиловского, З.Копыстенского, П.Могилы и других православных авторов – “Белая Русь” соотносится с восточнобелорусскими землями. “...Это – Полоцк, Витебск, Мстиславль, Орша, Могилев...” – конкретизирует в своей “Суппликации” (1623) М.Смотрицкий. Уже в конце 16 века появляется термин “белорусский язык” (С.Зизаний). Понятие “белорусцы” (встречается и “белорусы”) весьма характерно для документов московского делопроизводства, фиксирующих самоопределение выходцев из Витебского, Мстиславльского и Оршанского поветов, Могилева. Термин “белорусцы” в этой группе источников играл роль этника, или субэтнонима. “Белая Русь”, “белорусцы” встречаются и в западных источниках данного времени – географических картах и записках иностранцев, в правительственных актах Речи Посполитой, во многих материалах периода военных действий и народных движений на белорусско-украинской территории середины 17 века, в ряде документов по истории Могилевской православной епархии. Заметную роль в их утверждении сыграл белорусский (и российский) просветитель С.Полоцкий (“Метры” и др.).

3. В широком спектре версий по этимологии “Белой Руси” особого внимания заслуживает вероисповедно-конфессиональная концепция. Вероисповедный подход первоначальное выделение “Белой Руси” и ее дистанцирование от “Черной” объясняет религиозной спецификой регионов: если на западе будущей Беларуси дольше сохранялись язычес-

кие представления, то восток ранее и шире был охвачен православной христианизацией. В дальнейшем проявилась определенная конфессиональная дифференциация регионов, поскольку на Западе с конца 14 века наблюдается сравнительно большая активность католицизма, тогда как на Востоке длительное время безусловно господствовало православие. Православие в массовом сознании приверженцев этой конфессии рассматривалось “истинной” и единственной “правовой” церковью, “верой святой”, “верой католической” и т.п., что могло способствовать утверждению в самосознании православного населения стереотипа “Русь православная – правоважная – истинная – светлая – чистая – белая”. Следует также особо отметить лексическую, генетическую и историческую связь названий “Белая Русь” и “Русь”. Определение “Русь” (“русинь”, “русские”) являлось эндонимом белорусского народа периода Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. Одновременно название “Русь” как политоним в узком территориальном значении соотносилось прежде всего с восточной частью этнической Беларуси, особенно после Люблинской унии 1569 года. И именно с этим регионом ранее других белорусских земель в самосознании народа устойчиво связывается название “Белая Русь”.

4. Важно иметь в виду то обстоятельство, что на рубеже 16–17 веков наблюдается дифференциация в сфере конфессиональной идентификации белорусов. Примерно до конца 16 века этноним “Русь” (“русинь” и т.п.) содержал традиционный конфессиональный аспект – принадлежность к православной церкви. В начальный период ВКЛ “русинь” могли назвать даже принявшего “русскую веру” (православие) литовского князя. С начала 17 века все большее распространение приобретает представление о “разделенных в религии русских”, в понятие “народ русский” наряду с православными начинают включать и униатов, в источниках упоминается даже “Русь тройкая”: православная, униатская и католическая (М.Смотрицкий и др.). Расширение конфессионального аспекта термина “Русь” и обусловило появление нового этнонимического названия – этника “белорусцы”. Так реализовывалось стремление православного белорусского населения к этнонимическому дистанцированию от белорусских униатов. В пользу трактовки “белорусцев” как конфессионального этника – православный христианин – говорят выражения “белорусская вера”, “белорусцы, православные крестьянские веры” и т.п. Возрастающая популярность понятия “белорусцы” связана с ростом национального самосознания белорусов в условиях жесткой борьбы за сохранение политической, национально-культурной и религиозной свободы, православной традиции,

что наиболее ярко проявилась именно в восточной части Беларуси – на Витебщине, Могилевщине, Оршанщине, Полотчине. Данное обстоятельство способствовало активному проникновению этого народного самоназвания в литературные памятники и официальные документы. Другой предпосылкой возникновения определения “белорусцы” в контактной белорусско-русской зоне выступало, по-видимому, стремление к этнополитонимическому дистанцированию “русских” ВКЛ и “русских” Московского государства в период расширения социально-экономических и этнокультурных контактов населения “Московской” и “Литовской Руси”. Наиболее четкая географическая определенность понятия свойственна документам по истории конфессиональных отношений, что определяет достаточно высокую репрезентативность религиозно-конфессиональной концепции этимологии “Белой Руси” в контексте связи понятий “Русь” и “Белая Русь”. С учетом конфессионального фактора можно попытаться объяснить и позднее распространение названий “белорусцы” – “Белая Русь” на весь территориально-этнический массив белорусов (конец 19–начало 20 веков). Прежний этноним трансформируется в этноним после очередной религиозной конверсии белорусов – на этот раз из униатов в преимущественно православных, что происходит как раз на протяжении 19 века.